

**МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҢ ЖАЛПЫ ТЕОРИЯСЫ.
МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТАРИХЫ
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
GENERAL THEORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF STATE AND LAW**

МРНТИ 10.09.91.
УДК 321(091)(4/9)

10.51889/2959-6181.2024.77.3.001

Айтхожин К.К.¹

¹ *Кунаев университет*

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ:
ТОТАЛИТАРИЗМ В ПРОТИВОВЕС ПРАВУ**

Аннотация

В исследовании осуществлен исторический экскурс в тоталитарное прошлое Казахстана в советскую эпоху. На основе декларативных нормативно-правовых актов и обширной фактологии осуществлен критический анализ антиправового характера партийно-советского тоталитарного режима. Основной характеристикой советского тоталитарного режима, вытекавшей из изначально насильственной природы социализма, был террор - массовая, узаконенная репрессивная государственная практика организованного насилия и применения разных видов принуждения в отношении гражданского населения. В статье раскрыта сущность карательных органов, являвшихся внеправовым аппаратом политических репрессий, которая заключалась в охране нелегитимной партийно-советской власти путем осуществления террора и массовых репрессий по обеспечению строгого повиновения всех граждан порядку и правилам, установленным Советским государством. Отмечено, что закономерным является отсутствие в советском позитивном законодательстве, находившемся в непримиримом противоречии с ценностями естественного права, даже термина «правоохранительный орган». Констатируется, что тоталитарным режимом целенаправленно разрушались и религиозные основы жизнедеятельности общества вопреки декларируемым советскими конституциями свободы совести и свободы вероисповедания. Сделан вывод о том, что именно радикальный разрыв преступного партийно-советского режима с ценностями естественных прав человека позволил ему широко использовать принимаемые им законодательные и иные акты в интересах учреждения тоталитарной системы управления государством.

Ключевые слова: Конституция, политический режим, права человека, тоталитаризм, политические репрессии, террор, карательные органы.

Қ.К. Айтхожин¹

¹ *Қонаев университеті*

КЕҢЕС ДӘУІРІНДЕГІ САЯСИ РЕЖИМ: ЗАҢҒА ҚАРСЫ ТОТАЛИТАРИЗМ

Аңдатпа

Зерттеу барысында Қазақстанның Кеңес дәуіріндегі тоталитарлық өткеніне тарихи экскурсия жүргізілді. Декларативті нормативтік-құқықтық актілер мен ауқымды фактология негізінде партиялық-кеңестік тоталитарлық режимнің құқыққа қарсы сипатына сыни талдау жүргізілді. Социализмнің бастапқыда зорлық-зомбылық сипатынан туындайтын кеңестік тоталитарлық режимнің негізгі сипаттамасы террор болды-ұйымдасқан зорлық-зомбылық пен

бейбіт тұрғындарға әртүрлі мәжбүрлеу түрлерін қолданудың жаппай, заңдастырылған репрессиялық мемлекеттік тәжірибесі. Мақалада барлық азаматтардың Кеңес мемлекеті белгілеген тәртіп пен ережелерге қатаң бағынуын қамтамасыз ету үшін терроризм мен жаппай қуғын-сүргінді жүзеге асыру арқылы заңсыз партиялық-кеңестік билікті қорғаудан тұратын Саяси қуғын-сүргіннің заңсыз аппараты болып табылатын жазалаушы органдардың мәні ашылды. Кеңестік позитивті заңнамада табиғи құқықтың құндылықтарымен, тіпті "құқық қорғау органы" терминімен келіспейтін қарама-қайшылықтың болмауы заңды болып табылады. Тоталитарлық режим кеңестік Конституциялар жариялаған ар-ождан бостандығы мен дін бостандығына қарамастан қоғам өмірінің діни негіздерін мақсатты түрде жойды деп айтылады. Бұл қылмыстық партиялық-кеңестік режимнің адамның табиғи құқықтарының құндылықтарымен түбегейлі бұзылуы оған өзі қабылдаған заңнамалық және басқа актілерді мемлекетті басқарудың тоталитарлық жүйесін құру мүддесі үшін кеңінен қолдануға мүмкіндік берді деген қорытындыға келді.

Түйін сөздер: Конституция, саяси режим, адам құқықтары, тоталитаризм, саяси қуғын-сүргін, террор, жазалау органдары.

Aitkhozhin K.K.¹
¹ Kunaev University

THE POLITICAL REGIME IN THE SOVIET ERA: TOTALITARIANISM AS OPPOSED TO LAW

The study provides a historical excursion into the totalitarian past of Kazakhstan in the Soviet era. On the basis of declarative normative legal acts and extensive factual information, a critical analysis of the anti-legal nature of the party-Soviet totalitarian regime has been carried out. The main characteristic of the Soviet totalitarian regime, which stemmed from the initially violent nature of socialism, was terror - a massive, legitimized repressive state practice of organized violence and the use of various types of coercion against the civilian population. The article reveals the essence of the punitive bodies, which were an extra-legal apparatus of political repression, which consisted in protecting the illegitimate party-Soviet government by carrying out terror and mass repression to ensure strict obedience of all citizens to the order and rules established by the Soviet state. It is noted that the absence of even the term "law enforcement agency" in the Soviet positive legislation, which was in irreconcilable contradiction with the values of natural law, is natural. It is stated that the totalitarian regime purposefully destroyed the religious foundations of society's life, contrary to the declared Soviet constitutions of freedom of conscience and freedom of religion. It is concluded that it was the radical rupture of the criminal party-Soviet regime with the values of natural human rights that allowed it to widely use the legislative and other acts it adopted in the interests of establishing a totalitarian system of government.

Keywords: the Constitution, the political regime, human rights, totalitarianism, political repression, terror, punitive organs.

Основные положения. Насильственный государственный переворот, заменивший силу права правом силы, созданием репрессивного аппарата, сделавшего ставку на организованное насилие и разрушение всех правовых начал жизнедеятельности общества, является несовместимым с правом и правовыми ценностями. Деятельность партии большевиков с самого начала преступного захвата ими государственной власти носила явный антинародный, антиправовой характер, т.к. была прямо связана с посягательством на основополагающие, признанные международным сообществом права и свободы человека и гражданина. Антиправовые положения советского законодательства, являвшегося декорацией, скрывающей фасад преступного партийного режима большевиков, стали нормой для проведения массовых

репрессий, организация и проведение которых несут всецело в себе признаки тотального геноцида, преступлений против человечности.

Все законодательные и иные нормативные акты Советского государства по вопросам массовых политических репрессий, носят антиправовой характер, вытекающие из них нормативные, политические, гражданские последствия, не имеют правовой силы. Антиправовая сущность таких актов полностью подтверждается документами самих партийных, исполнительных и иных органов Советского государства, фактически являвшихся неправовыми институтами, основанными на насилии, лицемерии и лжи.

Введение. Антиправовой характер Советской власти был закреплен в первые годы после октябрьского антигосударственного переворота 1917 г., совершенного большевиками во главе с Лениным, организацией концлагерей, введением трудовой повинности, поражением в правах, применением административной высылки и других массовых репрессивных мероприятий (борьба с казачеством, духовенством, раскулачивание и др.), содержащих *все признаки преступлений против человечности.*

Противоправность действий партии большевиков в полной мере подтверждается и вторым, окончательным антигосударственным переворотом - принудительным роспуском нелегитимной властью конституционного органа – Всероссийского Учредительного собрания, согласно Декрету ВЦИК «О роспуске Учредительного собрания» от 6 января 1918 г. [1], принятому в нарушение Декрета II Всероссийского съезда Советов об образовании для управления страной Временного рабочего и крестьянского правительства (СНК) впредь до созыва Учредительного собрания от 26 октября (8 ноября) 1917 г. [2].

Насильственный государственный переворот, заменивший силу права правом силы, созданием репрессивного аппарата, сделавшего ставку на организованное насилие и разрушение всех правовых начал жизнедеятельности общества, является несовместимым с *правом и правовыми ценностями.* Деятельность партии большевиков с самого начала преступного захвата ими государственной власти носила *явный антинародный, антиправовой характер*, т.к. была прямо связана с посягательством на основополагающие, признанные международным сообществом права и свободы человека и гражданина.

Принятые же большевиками нормативные документы (Декреты II Всероссийского съезда Советов о мире, земле, отмене смертной казни, введении 8-часового рабочего дня, праве народов России на самоопределение и др.), прежде всего, носили ярко выраженный показной, пропагандистский характер, продиктованный лицемерными соображениями политической целесообразности в целях сохранения и укрепления власти.

Целью данного исследования является критический анализ политического режима в советскую эпоху.

Материалы и методы. При реализации цели исследования использован комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания действительности. Основным научным методом, используемым для анализа проблемы данного исследования, является историко-правовой метод. Структурно-функциональный метод применен для исследования массива законодательства, являвшегося декларативным, иллюзорным и действовавшего в советский период для осуществления массовых репрессий. Комплексное использование специальных научных методов - анализа и синтеза, компаративистики, ситуационный, формально-юридический, теоретико-прогностический и других – позволило обосновать основные результаты статьи.

Результаты и обсуждение. Лицемерно провозглашая в пропагандистских целях равные права всех граждан, ст.23 Конституции РСФСР, принятая пятым Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., устанавливала: *«руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и*

отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Все конституционные акты советского периода (Конституции РСФСР 1918 и 1924 г., Конституция СССР 1924 г., Конституция СССР 1936 г., Конституция Казахской ССР 1937 г. и др.) на деле являются формальными документами, принятыми тоталитарным режимом исключительно в идеологических, пропагандистских целях для доказательства преимущества советского строя в условиях противопоставления социалистической и капиталистической систем.

Права и свободы советских граждан, лицемерно провозглашенные этими конституционными актами, были лишь пустыми декларативными нормами, иллюстрирующими иллюзорность всего советского законодательства в условиях массового террора и беззакония. *«Но всегда и везде большевизм, неизменно прикрываясь внешне благообразными, обманчивыми лозунгами, олицетворяет проклятие коммунизма, его суть - отмечал в этой связи видный советский (российский) правовед Алексеев С.С., - господство в обществе неограниченного произвола, насилия, беспредела, подавление человека, его достоинства и неотъемлемых прав - господство, прикрываемое манящими и искушающими лозунгами и надеждами»* [3, с.317-318].

Антиправовая, репрессивная практика партии большевиков, как внеправовой структуры, стоящей над государством, была направлена, как против отдельных лиц, так и против народов Советского Союза, и их стремлением защитить свои естественные права и свободы, являясь, по сути, государственным геноцидом, беззаконием и произволом. При этом центральный аппарат партии большевиков являлся верховной контролирующей инстанцией массовых репрессий, снявшей с государства все высшие духовные, нравственные и правовые ценности и многовековые общекультурные скрепы.

Так, уже 6 (19) ноября 1917 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР была издана Инструкция «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения их заседаний», которой предписывалось при назначении наказания руководствоваться не законами, а *«обстоятельствами дела и велениями революционной совести»* [4].

В этой связи под контрреволюционными (фактически - политическими) преступлениями, установленными статьями 57-73 УК РСФСР 1922 г., понималось всякое действие, направленное на свержение завоеваний социалистической революции. Такие широкие и неопределенные неправовые установки дополнялись возможностью объективного вменения, приданием некоторым нормам УК обратной силы, расплывчатостью диспозиций конкретных составов преступлений, что позволяло репрессировать любого неугодного тоталитарному режиму человека.

При этом институт уголовной аналогии (преступный – по сути), установленный ст.16 УК РСФСР 1926 г., позволял судебным и внесудебным органам по своему усмотрению толковать как контрреволюционные - любые умышленные или неосторожные действия и бездействие, основание и пределы ответственности за которые определялись применительно к статьям УК РСФСР, предусматривавшие *«наиболее сходные по роду преступления»*.

Преступный характер носило и содержание статьи 6 УК РСФСР 1926 г., согласно которому: *«Общественно-опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»*, нарушая фундаментальный принцип римского уголовного права: *«nullum crimen sine lege»* («нет преступления без закона»), и поныне действующий во всех цивилизованных государствах.

Статья 7 УК РСФСР 1926 г., установившая норму: *«В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера»*, также нарушала

широко известный гуманистический принцип римского уголовного права: «*cogitationis poenam nemo patitur*» («никого нельзя наказывать за мысли»).

Основной характеристикой советского тоталитарного режима, вытекавшей из изначально насильственной природы социализма, был *террор*, как массовая, узаконенная репрессивная государственная практика организованного насилия и применения разных видов принуждения в отношении гражданского населения. Прямой преступный призыв к тотальному террору, без всякого идеологического прикрытия, был предписан Обращением Совета народных комиссаров к населению России от 5 (18) ноября 1917 г.: «*Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу ...*» [5].

Основным инструментом реализации красного террора, как комплекса карательных мер, проводившихся большевиками, стала созданная 7 (20) декабря 1917 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР (ВЧК при СНК РСФСР). ВЧК фактически являлась внеправовым и внесудебным государственным органом, обладавшим правом непосредственной расправы над лицами, причастными к вражеским организациям, включая расстрел, и изоляции классовых врагов в концентрационные лагеря. При этом широкие карательные полномочия, не имевшие никакого отношения к праву, ВЧК получила в период «красного террора», с сентября 1918 г. до февраля 1919 г., официально введенного постановлением СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. заложившим основы репрессивной политики коммунистического режима [6].

Репрессивная суть используемых этим неправовым органом методов реализации государственных функций, применявшихся во внесудебном порядке и приведших к массовому террору, как инструменту нагнетания в обществе страха и исключения возможности организации народного сопротивления, в целом, ярко характеризуется самим наименованием приказа ВЧК от 8 января 1921 г. «О карательной политике органов ЧК» [7].

В связи с упразднением ВЧК декретом ВЦИК РСФСР «Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов» от 6 февраля 1922 г. функции ВЧК были возложены на ГПУ при НКВД РСФСР, на который также возлагались задачи по предупреждению и подавлению открытых политических и экономических контрреволюционных выступлений [8].

Сущность ВЧК, как и других карательных органов, являвшихся внеправовым аппаратом политических репрессий, заключалась в охране нелегитимной партийно-советской власти путем осуществления террора и массовых репрессий по обеспечению строгого повиновения всех граждан порядку и правилам, установленным Советским государством, *не имевшим никакого отношения к праву и международно-правовым актам о правах человека*. Закономерно было в этой связи отсутствие в советском позитивном законодательстве, находившемся в непримиримом противоречии с ценностями естественного права, как собственно права в его исходном и подлинном смысле, термина «*правоохранительный орган*».

Само же естественное право (совокупность высших правовых ценностей, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность человека и общества), как концептуальное направление в понимании природы права, рассматривалось только с критической точки зрения, не находя официальной поддержки Советского государства. Законодательная и иная нормативная практика государственных органов СССР, основанная на антиправовой идеологии и легитимации любого властного произвола в качестве закона и иного нормативного акта, на деле содействовала отрицанию онтологических ценностей права и справедливости и утверждению узаконенного бесправия личности в условиях массовых политических репрессий.

При этом ст.1 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР, утвержденных постановлением Народного комиссариата РСФСР от 12 декабря 1919 г. впервые закреплялось официальное определение советского права, носившее откровенно репрессивный характер: «*Право - это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой*». В этой связи предписаниями ст.3 Руководящих начал устанавливалось: «*Советское уголовное право имеет задачей -*

посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» [9].

Именно руководящий аппарат ВКП (б) развязывал кампании массовых репрессий, перекладывая ответственность за их проведение на подконтрольные карательные органы, деятельность которых носила антиконституционный характер.

В условиях насаждения идеологии примата интересов партии и государства над интересами личности и общества, значение естественных, прирожденных и неотъемлемых прав человека коммунистическим режимом закономерно отрицалось, т.к. права и свободы граждан объявлялись производными от политического и социально-экономического устройства Советского государства. Соответственно конституционно-правовой статус граждан должен был определяться только государством, для которого никаких заранее заданных параметров по закреплению «дарованных» им прав и свобод личности не могло быть. Отсюда и вытекало основное предназначение закрепленных Советскими конституциями прав и свобод граждан – служить цели *подчинения индивида государству, осуществляющему по отношению к нему патерналистские функции.*

Соответственно с момента образования Советского государства однозначно фиксируется отсутствие каких-либо правовых институтов, защиты прав и свобод человека государственными органами, отдававшими приоритет не праву, а позитивному законодательству, построенному на началах тотального насилия над личностью и его естественными правами на жизнь, личную свободу, собственность и др.

При этом позитивистский подход к правам человека, закрепленный в советских конституциях, максимально дистанцировался от естественно-правовых категорий свободы, справедливости, самоценности индивида, необходимых для обеспечения его человеческого достоинства, обладающих абсолютным вневременным действием и независимостью от усмотрения и произвола государственной власти. В этой связи в советских конституциях тоталитарным режимом намеренно закреплялись именно *права граждан, как политических субъектов, связанных с государством, а не права человека в их широком гуманистическом смысле.*

Позитивистская трактовка советского права в условиях объявления правящим режимом естественного права и прав человека антисоциалистическими, антисоветскими и враждебными теориями права полностью исключала *приоритет прав и свобод граждан, презумпцию невиновности, принцип состязательности и другие гуманистические начала подлинного права.* Ведь именно естественные, прирожденные права человека, как правовые общечеловеческие начала, призваны были поставить правовой заслон абсолютному всевластию Советского государства, всемерно препятствовавшего утверждению в социальной практике и общественном сознании свободы и прав человека, как великих ценностей человечества.

Неприемлемость естественных прав человека для правящего режима предопределялась и тем, что их нормативное признание означало бы ограничение самой государственной власти, недопустимость ее вмешательства в область личной свободы человека. Иначе государство было бы не вправе отменить или ограничить личные (гражданские) права человека, суть которых в законодательном предоставлении возможности его автономии и свободного самоопределения. В случае такого признания государству было бы необходимо формировать и развивать адекватные государственно-правовые механизмы защиты прав и свобод человека, с которыми государственные органы и должностные лица обязаны были считаться и принимать необходимые правозащитные меры. Но такого ограничения государственной власти, как показала реальная советская действительность, тоталитарный режим допустить не мог.

Партийно-советским режимом отвергались самым радикальным образом изначально заложенные критерии *нравственного измерения политики и государственности – идеи прав человека, как фундаментального правового института, основанного на свободе, равенстве, общем благе, справедливости и принципах демократии и правового государства (разделении*

власти, верховенстве права и др.). Соответственно, подлинное право и права человека могут действовать только благодаря их моральному содержанию, нравственным ценностям, которые питает их. Именно поэтому преступная партийно-советская власть не могла допустить разработку подлинных конституционных начал во всех формах бытия права и жизнедеятельности общества, которые могли стать гарантом от возможного массового насилия и подавления прав и свобод личности.

При этом права человека, как универсальная, экстерриториальная, общечеловеческая ценность, являются не только отражением правового опыта развития человечества, но и кристаллизацией его нравственных начал, связанных с уважением свободы и автономии личности, недопустимостью их нарушения, что дает возможность не только правовой, но и моральной оценки государственной власти в целях удержания ее в границах гуманизма.

Все это говорит о *государственном аморализме* преступного партийно-советского режима, средствами достижения и сохранения нелегитимной власти которого были - массовые нарушения прав человека, попрание свободы и достоинства личности, использование человека, как винтика государственной машины в целях безграничного господства элиты коммунистической партии, делая его беззащитным перед неправовыми законами, санкционирующими произвол и насилие. Соответственно тоталитарный режим не мог не отвергать идеи прав человека, основанных на свободе и равенстве, самоценности личности, как нравственных измерителей его политической власти. Ведь нравственным (моральным) может быть только государство, основанное на праве и правовых ценностях, признающее приоритет прав человека, как универсальной категории, и нравственные принципы человеческой свободы, достоинства и счастья.

Поэтому естественные права и свободы человека, принадлежащие ему от рождения, не могут быть противопоставлены государству, которое должно брать на себя их конституционное и иное законодательное закрепление, функции обеспечения и защиты прав и свобод личности, утверждая их приоритет по отношению к самому себе.

Тоталитарным режимом целенаправленно разрушались и религиозные основы жизнедеятельности общества вопреки декларируемым советскими конституциями свободы совести и свободы вероисповедания. Так, несмотря на основную норму ст.102 Конституции Казахской ССР 1937 г., провозгласившую признание свободы отправления религиозных культов и свободы антирелигиозной пропаганды за всеми гражданами, государство проводило агрессивную атеистическую политику, характеризовавшуюся радикальным преступным антирелигиозным вандализмом в отношении верующих граждан и их религиозных домов. Между тем религиозные нормы, являясь элементарными нормами человеческого общежития, несут в себе кристаллизованный опыт социального общения людей, находящихся в нем нравственные опоры, имеющие глубинные исторические корни. Поэтому обрывать тесные связи права с религиями, божественной природой человеческого мироздания, выступающими ценностными критериями жизнедеятельности общества, могла только преступная власть, отвергающая духовное содержание права, и не имеющая ничего общего с гуманистическими идеалами.

Более того, в истоках мировых религий (христианства, ислама и др.) заложены не только религиозные и нравственные, но и правовые начала жизнедеятельности человечества, с присущими им разнообразными способами интерпретации правоотношений, включая религиозно-правовые и нравственно-правовые нормы в целях обеспечения социального равновесия.

Так, десять заповедей Моисея (кодекс Моисея), заложившие религиозные, нравственные и законодательные начала жизнедеятельности народа Израиля, и по настоящее время являются общей ценностной основой действующего права современных государств, охватывающей все общественно значимые аспекты поведения человека. Согласно этим вечным ценностным основам, место и роль современного права в системе жизнедеятельности того или иного

государства должны изначально определяться местом и ценностью человека, мерой его автономии, свободы и независимости.

Основные права и свободы граждан же, провозглашенные советскими конституциями, включая Конституции Казахской ССР 1937 и 1978 гг., на деле служили законодательным прикрытием тоталитарных методов управления государством, необоснованных массовых репрессий, вплоть до террора, исключаящих верховенство прав человека, ставящих личность в центр всех процессов общественного развития.

И именно радикальный разрыв преступного партийно-советского режима с ценностями естественных прав человека, выступавшими мерилем нравственной оценки позитивного права, нравственными и иными гуманистическими социальными ценностями, позволил ему широко использовать принимаемые им законодательные и иные акты в интересах учреждения тоталитарной системы управления государством.

Неблагоприятная ситуация в отношении механизмов правовой защиты граждан страны усугублялась и преступным введением массового террора в рамки советского законодательства посредством упрощения судопроизводства по политическим делам, и принимаемыми внесудебными органами решениями о репрессиях с использованием различных ускоренных административных средств.

Так, постановлением ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» от 1 декабря 1934 г., принятым опросом членов Президиума ЦИК СССР, немедленно после убийства С.М. Кирова, было установлено: *«Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:*

- 1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.*
- 2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.*
- 3. Дела слушать без участия сторон.*
- 4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.*
- 5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора»* [10, с.33].

На его основе ЦИКом Союза ССР принимается постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» от 1 декабря 1934 г., также противоречащее началам уголовно-процессуального права:

«1. Предложить следственным властям вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком.

2. Предложить судебным органам не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.

3. Предложить органам НКВД Союза ССР приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных категорий немедленно по вынесении судебных приговоров» [11, с.33-34].

Впоследствии постановлением ЦИК СССР 14 сентября 1937 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» также было установлено: *«Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по рассмотрению дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях:*

- 1. По делам о контрреволюционном вредительстве и диверсиях обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде.*

2. Кассационного обжалования по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 587 УК РСФСР (вредительство) и 589 УК РСФСР (диверсия) и соответствующими статьями УК других союзных республик – не допускать.

3. Приговоры о высшей мере наказания (расстрел) приводить в исполнение немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании» [12, с.34].

Упрощение содержания законодательных и иных актов и ускорение следственных и судебных дел, являясь абсолютно незаконными, имели цель – тотальную и беспощадную расправу репрессивных органов над «врагами народа». Соответственно карательные органы не связывались четко определенными законом составами преступлений и устанавливаемыми наказаниями в неправовых целях упрощения и ускорения уголовного процесса.

Неопределенность самих составов преступлений, понятий, отсутствие в актах указаний на санкции или неопределенность санкций (например, «*карать по всей строгости революционных законов*») приводили к произвольному толкованию репрессивными органами применяемых ими нормативных актов. При этом содержание оперативно-розыскных мероприятий и юридические условия их проведения регулировались только ведомственными инструкциями и в интересах репрессивных органов. Данная уголовно-процессуальная политика направлялась тоталитарным режимом для того, чтобы не ограничивать репрессивную деятельность карательных органов, действовавших на основании партийных установок, и предоставлять им самую широкую широту усмотрения.

Законодательные и иные акты, принимаемые государственными органами, фактически закрепляли право государства на применение насилия и террора к советским гражданам. Так, нормами Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и Исправительно-трудового Кодекса РСФСР 1924 г., право государства на насилие было юридически закреплено репрессивно-карательной моделью, в которой органы правопорядка заняли доминирующее положение, являясь на деле органами государственного беззакония и произвола.

Особо преступный характер партийно-советской власти ярко проявился в деятельности Центрального аппарата ВКП (б), ставшего инициатором крупномасштабной репрессивной кампании 1937-1938 гг., ядром которой стали *особые тройки как органы для внесудебных расправ на местах*, дополнительные к Особому совещанию при НКВД (существовавшему с ноября 1934 г. по сентябрь 1953 г.). Директивой, положившей начало массовым расстрелам, стало постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах», запустившее маховик Большого террора сталинского режима. В этой связи секретарям ЦК союзных и автономных республик, обкомов, крайкомов, предлагалось представить в ЦК персональный состав троек, «*а также количество подлежащих расстрелу*» или «*высылке*» в их регионах [13].

На основании Оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»), утвержденного постановлением Политбюро ВКП (б) от 31 июля 1937 г. [14], с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. была проведена крупнейшая массовая операция Большого террора, в ходе которой были арестованы около 1,7 млн человек, 390 тыс. человек были расстреляны, 380 тыс. отправлены в лагеря ГУЛАГа [15].

Преступность данного приказа, определявшего лимит подлежащих осуждению по первой категории (расстрел) и по второй (заключение в лагеря), усугублялась тем, что обкомы и крайкомы, исчерпавшие отпущенные им лимиты на расстрелы, запросили их увеличения, производившееся решениями Политбюро ЦК ВКП (б). Так, в пункте 1 протокола №26 «Об антисоветских элементах» Бюро Центрального Комитета КП (б) Казахской ССР от 19 ноября 1937 г. указывается: «*На основании решения ЦК ВКП (б) от 17 ноября с.г. увеличить дополнительно количество репрессируемых антисоветских элементов по:*

Алма-Атинской обл. по 1 категории на 300 чел., по 2 кат. на 500 чел.;		
Южно-Казахстанской -	150	300;
Актюбинской	150	150;
Кустанайской	200	250;
Западно-Казахст.	200;	
Северо-Казахст.	200	550;
Карагандинской	250	300;
Восточно-Казах.	400	350;
Резерв	350	400» [16].

И только постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «Вопрос Прокуратуры СССР» от 15 ноября 1938 г. было установлено: «Приостановить с 16 ноября сего года впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на тройках, в военных трибуналах и в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке» [17].

Преступный характер деятельности «троек» и других внесудебных органов ярко характеризуется самим постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г., принятым на основе решений Политбюро ЦК ВКП (б), в котором подчеркивалось: «крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины, и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и пр.). ... Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Органы Прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. ... не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения. ...

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» производства массовых арестов» [18]. Данным постановлением подтверждалась ликвидация троек с передачей впредь всех дел «в точном соответствии с действующими законами о подсудности ... на рассмотрение судов или особого совещания НКВД СССР» [18].

О явно неправовом характере деятельности карательных органов свидетельствует также широкое применение пыток, как физических мер воздействия на подсудимых с 1937 г. с особого разрешения ЦК ВКП (б), официально отмененных приказом по МВД СССР №0068 от 4 апреля 1953 г., согласно которому: «Министерством внутренних дел СССР установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток ...» [19].

Вместе с тем ликвидация «троек» и смена руководства НКВД в 1938 г. не привели к прекращению внесудебных репрессий. В 1940-1952 гг. в Казахской ССР, как и в других союзных республиках, продолжались массовые репрессии против отдельных категорий населения, и в первую очередь депортации народов 1943-44 гг., санкционированные чрезвычайным органом власти – Государственным комитетом обороны СССР.

Как видно, весь период функционирования партийно-советского режима характеризуется преступной практикой подмены репрессивными органами законодательных учреждений и издания важнейших нормативных норм в виде закрытых ведомственных актов и решений,

имевших приоритет и главенствующую роль над нормами Конституций, уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства СССР, РСФСР и Казахской ССР.

Партийные установки ВКП (б) по вопросам форсированной индустриализации экономики СССР и коллективизации сельского хозяйства к концу 1920 – началу 1930-х гг., всецело определявшие направленность репрессивного механизма, стали директивой для территориальной экспансии, выразившейся в поставленной перед ОГПУ задачам колонизации малонаселенных и экономически неразвитых районов СССР. Так, в постановлении СНК СССР №20/307 п. 130 от 11 июня 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных», не подлежащим опубликованию, закреплялось: «1. Осужденных судебными органами Союза и союзных республик к лишению свободы на сроки на три года и выше, передать и передавать впредь для отбывания лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря, организуемые ОГПУ. ... 2. ОГПУ для приема этих заключенных расширить существующие и организовать новые исправительно-трудовые лагеря (на территории Ухты и других отдаленных районов) в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы» [20].

Насильственная кампания по оседанию кочевого и полукочевого казахского населения и коллективизации сельского хозяйства Казахской АССР, по времени синхронизированная с развертыванием индустриализации, на деле также должна была решить зерновые и иные продовольственные проблемы в целях обеспечения финансовых средств для ускоренной индустриализационной политики Советского государства.

Общей сутью законодательных и иных актов партийно-советского режима является *тотальное и системное нарушение ими естественных, неотъемлемых, прирожденных прав человека: права на жизнь и личную свободу, права на свободное передвижение, права на свободу слова, права на частную собственность и др.*

Так, уничтожение частной собственности партийно-советским режимом, носившее абсолютно неправовой характер, означало одновременно и разрушение складывавшегося гражданского общества, ликвидацию индивидуальной свободы, равенства и автономии людей в области экономической жизнедеятельности общества, и отрицание человека, как самостоятельного правового и экономического субъекта хозяйственных отношений.

В конце 1920-х - начале 1930-х г. массовые политические репрессии с началом принудительной коллективизации сельского хозяйства и ускоренной индустриализации, насильственно прервавших нормальный ход естественно-исторического развития социально-экономических отношений в казахском обществе, уничтожили сложившуюся веками уникальную культуру его социально-экономического и духовно-культурного жизнеобеспечения.

Насильственная коллективизация, социализация (обобществление) средств производства и уничтожение институтов общинной и частной собственности в Казахстане, сопровождаясь окончательной ликвидацией обычно-правового метода регулирования общественных отношений, осуществлялись при помощи тотального произвола и насилия, определяемых самой насильственной природой Советского государства.

Тотальная социализация всех средств производства, лишая всех граждан общинной и частной собственности на средства производства, была направлена против как отдельного индивида, так и всего народа, демонстрируя внеправовой и внеэкономический характер всего процесса обобществления средств производства в стране, тотальное отрицание культурных традиций и обычаев казахского народа.

В результате такой преступной политики партийно-советского режима была окончательно подорваны этнополитический механизм регуляции и саморегуляции социальных процессов, основанный на самодеятельности и инициативе родовых и общинных коллективов, и этнокультурная почва жизнедеятельности казахского народа, на которой происходили процессы производства и воспроизводства его исконно и жизненно необходимых народных обычаев и традиций.

При этом конфискация скота, недвижимого и иного имущества крупных баев, полуфеодалов, кулаков, середняков, крестьян-шаруа, раскулачивание не могли не сопровождаться массовыми политическими репрессиями в отношении этих слоев населения, составлявших золотой генофонд населения Казахской ССР. В этой связи преступная сущность постановлений КазЦИК и СНК КАССР «О конфискации байских хозяйств» от 27 августа 1928 г., «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и полуфеодалного байства» от 13 сентября 1928 г., «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством» от 19 февраля 1930 г., состоит в уничтожении частной собственности, являющейся не только исходной фундаментальной формой выражения прав и свобод человека, но и необходимым цивилизованным фундаментом для него, т.к. без частной собственности в принципе невозможны независимая личность и его права и свободы.

Без отчуждения собственности от человека, без его полной деперсонализации, как субъекта и носителя экономических и связанных с ними иных общественных отношений, невозможны были бы полное уничтожение частной собственности и обобществление всех средств производства. И, в свою очередь, само уничтожение частной собственности и установление общественной собственности возможны были только как насильственное, неправомерное сосредоточение всех средств производства в руках Советского государства. Узурпация государством обобществленных средств производства, по сути своей, раскрывает незаконный внеэкономический характер формирования централизованного фонда производительных сил страны, на деле выразившихся в симбиозе монополии политической власти с монополией экономической власти партийно-советского режима.

Всецело антиконституционными актами, нарушавшими права и свободы граждан, находившихся в местах лишения свободы, являются также законодательные и иные нормативные акты, регламентировавшие деятельность уголовно-исполнительной системы СССР. Кардинальный разрыв между действующим законодательством и реальной практикой уголовно-исполнительной системы СССР, всецело противоречащий Конституции СССР, специально оставлял самое широкое поле для преступного произвола карательных органов.

Заключение. Антиправовые положения советского законодательства, являвшегося декорацией, скрывающей фасад преступного партийного режима большевиков, стали нормой для проведения массовых репрессий, организация и проведение которых несут всецело в себе признаки *тотального геноцида, преступлений против человечности.*

Все законодательные и иные нормативные акты Советского государства по вопросам массовых политических репрессий, носят *антиправовой характер, вытекающие из них нормативные, политические, гражданские последствия, не имеют правовой силы.* Антиправовая сущность таких актов полностью подтверждается документами самих партийных, исполнительных и иных органов Советского государства, фактически являвшихся неправомерными институтами, основанными на насилии, лицемерии и лжи.

Список использованной литературы

1. Декрет ВЦИК «О роспуске Учредительного собрания» от 6 (19) января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т.1. - М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – С.335.
2. Декрет II Всероссийского съезда Советов «Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства». 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т.1. - М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – С.20.
3. Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М.: Издательство НОРМА, 1998. – 416 с.
4. Инструкция Народного комиссариата юстиции РСФСР «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения их заседаний» от 19 ноября 1917 г. // «Совершенно секретно»: рассекреченные нормативные

правовые акты и документы. Сб. док. Т.1. / Под общ. ред. К. Е. Кушербаева. – Нур-Султан, 2021. – С.8-9.

5. Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению 5 (18) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Том I. - М.: Гос.издательство политической литературы, 1957.- С.50-52.

6. Постановление СНК РСФСР «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. // // «Совершенно секретно»: рассекреченные нормативные правовые акты и документы. Сб. док. Т.1. / Под общ. ред. К. Е. Кушербаева. – Нур-Султан, 2021. – С.9-10.

7. Приказ ВЧК от 8 января 1921 г. «О карательной политике органов ЧК // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. - 1999. - №2. - С.61.

8. Декрет ВЦИК РСФСР «Об упразднении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов» от 6 февраля 1922 г. // Электронная библиотека исторических документов. Российское историческое общество. <http://docs.historyrussia.org/>.

9. Постановление Народного комиссариата РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик // <http://www.libussr.ru/>.

10. О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов. Постановление Президиума ЦИК СССР. 1 декабря 1934 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. - М.: Республика, 1993. - С.33.

11. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик. Постановление ЦИК и СНК СССР. 1 декабря 1934 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. - М.: Республика, 1993. - С.33-34.

12. Постановление ЦИК СССР 14 сентября 1937 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» // «Совершенно секретно»: рассекреченные нормативные правовые акты и документы. Сб. док. Т.1. / Под общ. ред. К. Е. Кушербаева. – Нур-Султан, 2021. - С.393.

13. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. - М.: МФД, 2004. – С.234–235.

14. Из оперативного приказа НКВД СССР №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.6: Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З. Г. Сактаганова, А.У. Аупенова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022, С.26-29.

15. Приказ, открывший путь к массовым репрессиям // «Труд» 1992. - 4 июня.

16. Решение путем опроса. Бюро Центрального Комитета КП (б) Казахской ССР 19 ноября 1937 года, протокол №26, пункт 1 «Об антисоветских элементах» // «Совершенно секретно»: рассекреченные нормативные правовые акты и документы. Сб. док. Т.1. / Под общ. ред. К. Е. Кушербаева. – Нур-Султан, 2021. - С.408.

17. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Вопрос Прокуратуры СССР» от 15 ноября 1938 г. // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. – М.: МФД, 2004. – С.606.

18. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т.1. Накануне. Кн.1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). – М., 1995. – С.3-9.

19. Приказ Министра внутренних дел СССР Л. П. Берии №0068 «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия» от 4 апреля 1953 г. // «Совершенно секретно»: рассекреченные нормативные правовые акты и документы. Сб. док. Т.1. / Под общ. ред. К. Е. Кушербаева. – Нур-Султан, 2021. – С.559-560.

20. Постановление СНК СССР № 20/307 п. 130 от 11 июня 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.6: Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З. Г. Сактаганова, А. У. Аупенова / Под общ. ред. Е. Т. Карина. – Астана, 2022, С.11-12.

References

1. Dekret VCIK «O rospuske Uchreditel'nogo sobraniya» ot 6 (19) yanvaryaya 1918 g. // Dekrety Sovetskoj vlasti. T.I. - M.: Gos. izd-vo polit. literatury, 1957. – S.335.

2. Dekret II Vserossijskogo s"ezda Sovetov «Ob obrazovanii Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva». 26 oktyabrya (8 noyabrya) 1917 g. // Dekrety Sovetskoj vlasti. T.I. - M.: Gos. izd-vo polit. literatury, 1957. – S.20.

3. Alekseev S.S. *Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epohu.* – M.: Izdatel'stvo NORMA, 1998. – 416 s.

4. Instrukciya Narodnogo komissariata yusticii RSFSR «O revolyucionnom tribunale, ego sostave, delah, podlezhashchih ego vedeniyu, nalagaemyh im nakazaniyah i o poryadke vedeniya ih zasedanij» ot 19 noyabrya 1917 g. // «Sovershenno sekretno»: rassekrechennyye normativnyye pravovyye акты i dokumenty. Sb. dok. T.1. / Pod obshch. red. K.E. Kusherbaeva. – Nur-Sultan, 2021. – S.8-9.

5. Obrashchenie Predsedatelya Soveta Narodnyh Komissarov k naseleniyu 5 (18) noyabrya 1917 g. // Dekrety Sovetskoj vlasti. Tom I. - M.: Gos. izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957.- S.50-52.

6. Postanovlenie SNK RSFSR «O krasnom terrore» ot 5 sentyabrya 1918 g. // «Sovershenno sekretno»: rassekrechennyye normativnyye pravovyye акты i dokumenty. Sb. dok. T.1. / Pod obshch. red. K.E. Kusherbaeva. – Nur-Sultan, 2021. – S.9-10.

7. Prikaz VCHK ot 8 yanvaryaya 1921 g. «O karatel'noj politike organov CHK // Byulleten' Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii. - 1999. - №2. - S.61.

8. Dekret VCIK RSFSR «Ob uprazhnenii Vserossijskoj Chrezvychajnoj Komissii i o pravilah proizvodstva obyskov, vyemok i arestov» ot 6 fevralya 1922 g. // Elektronnyaya biblioteka istoricheskikh dokumentov. Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo. <http://docs.historyrussia.org/>.

9. Postanovlenie Narodnogo komissariata RSFSR ot 12 dekabrya 1919 g. «Rukovodyashchie nachala po ugovolnomu pravu RSFSR» // Biblioteka normativno-pravovyh aktov Soyuzov Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik // <http://www.libussr.ru/>.

10. O poryadke vedeniya del o podgotovke ili sovershenii terroristicheskikh aktov. Postanovlenie Prezidiuma CIK SSSR. 1 dekabrya 1934 g. // Sbornik zakonodatel'nyh i normativnyh aktov o repressiyah i rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij. - M.: Respublika, 1993. - S.33.

11. O vnesenii izmenenij v dejstvuyushchie ugovolno-processual'nye kodeksy soyuznyh respublik. Postanovlenie CIK i SNK SSSR. 1 dekabrya 1934 g. // Sbornik zakonodatel'nyh i normativnyh aktov o repressiyah i rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij. - M.: Respublika, 1993. - S.33-34.

12. Postanovlenie CIK SSSR 14 sentyabrya 1937 g. «O vnesenii izmenenij v dejstvuyushchie ugovolno-processual'nye kodeksy soyuznyh respublik» // «Sovershenno sekretno»: rassekrechennyye normativnyye pravovyye акты i dokumenty. Sb. dok. T.1. / Pod obshch. red. K.E. Kusherbaeva. – Nur-Sultan, 2021. - S.393.

13. Postanovlenie Politbyuro CK VKP (b) ot 2 iyulya 1937 g. «Ob antisovetskikh elementah» // Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenty vysshih organov partijnoj i gosudarstvennoj vlasti. 1937-1938. - M.: MFD, 2004. – S.234–235.

14. Iz operativnogo prikaza NKVD SSSR №00447 «Ob operacii po repressirovaniyu byvshih kulakov, ugovolnikov i drugih antisovetskikh elementov» ot 30 iyulya 1937 g. // Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody HKH veka).